

DOI 10.35775/PSI.2025.128.11.009

УДК 291.21

А.В. ДАРЧИЕВ

кандидат исторических наук,
Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН,
Россия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ
E-mail: dar-anzor@yandex.ru

**Е.Г. ПЧЕЛИНА О КУЛЬТЕ ПОВЕЛИТЕЛЯ
ВОЛКОВ У ОСЕТИН**

Важной частью религиозно-мифологических представлений осетин является почитание покровителя волков по имени Тутыр. Его всестороннее изучение необходимо для полноценной реконструкции архаичных пластов традиционной культуры осетин, и потому представляет для этнографа актуальное направление научных поисков. В данной статье рассматриваются неопубликованные рукописные материалы выдающегося кавказоведа Е.Г. Пчелиной (1895-1972), содержащие сведения о культуре Тутыра у осетин. Цель исследования состоит в установлении достоверности этих сведений и в определении того нового, что они вносят в наши знания по изучаемой проблематике. В работе использовался сравнительный метод: сопоставление с источниками предшествующего периода удалось выявить и неизменные архаичные элементы обряда, и те трансформации, которые он претерпел с течением времени. Установлено следующее: тезис исследовательницы о том, что Уастырджы, небесный покровитель мужчин, воинов и путников у осетин, считался также и патроном волков, сливаясь с Тутыром в одно целое, не находит достаточных оснований. Равным образом не может быть принят вывод Пчелиной о почти полном отсутствии в Осетии святилищ Тутыра. В то же время исследовательнице удалось показать амбивалентный характер Тутыра и как тотема-покровителя, и как разрушителя хозяйств. Пчелина смогла выявить важные элементы почитания Тутыра, не находящие соответствий в культурах других представителей осетинского пантеона: застольный обряд с использованием т.н. «альчика Тутыра» и необычного «кубка Тутыра», состоящего из семи отделений. Сведения о гадании, совершаемом мужчинами-скотоводами при помощи альчика Тутыра, уникальны и расширяют наши знания о традиционных видах мантики у осетин. На основании этих результатов сделан вывод о том, что рукописные материалы Е.Г. Пчелиной существенно дополняют наши знания о повелителе волков Тутыре и способствуют более глубокому изучению осетинских религиозных представлений.

Ключевые слова: осетинский религиозный пантеон, повелитель волков, Тутыр, альчик Тутыра, кубок Тутыра, Уастырджы, Е.Г. Пчелина.

Евгения Георгиевна Пчелина (1895-1972) – выдающаяся исследовательница, внесшая значительный вклад в развитие этнографического осетиноведения. Большая часть ее научного наследия осталась в рукописях и лишь в последнее

время начинает постепенно вводиться в научный оборот. В данной статье мы рассмотрим содержащиеся в рукописных материалах Е.Г. Пчелиной сведения о повелителе волков в осетинском религиозном пантеоне.

В незавершенной монографии о святилище Реком в Северной Осетии Пчелина приходит к неожиданному выводу о том, что Уастырджи, покровитель мужчин, воинов и путников в традиционных осетинских верованиях, считался также и небесным патроном волков: «Уастырджи в качестве властителя над животными повелевает, кроме коня, еще быком и волком» [20. Л. 134]. Однако во всех источниках по осетинской этнографии, начиная с самых ранних, повелителем волков в религиозно-мифологических представлениях осетин выступает не Уастырджи, а Тутыр [6. С. 33-39; 2; 12; 29; 11. С. 15, 30-31; 5. С. 400]. Признавая этот неоспоримый факт, Пчелина все же полагала, что в древности образы Уастырджи и Тутыра «были ближе или даже, может быть, сливались в единое целое» [20. Л. 140].

На чем исследовательница основывала свое мнение? Пчелина наделяет Уастырджи функцией повелителя волков, ссылаясь на записанное в 1936 г. от Хазби Басиева сказание [18. С. 46, 48], однако в рукописях Пчелиной текст этого сказания нам обнаружить не удалось. В поддержку своей версии Пчелина приводит также вольный пересказ опубликованной Н.Г. Берзеновым осетинской легенды, в которой Уастырджи помогает охотнику одолеть стаю волков [20. Л. 138]. Отсюда исследовательница заключает: «По представлению осетин, это видно из приведенного мною сказания, волки подчиняются Уастырджи» [20. Л. 145]. Подобный вывод не представляется очевидным, поскольку в своем пересказе Пчелина опускает важные детали легенды, препятствующие такому ее пониманию. В изложении Берзенова Уастырджи прямо назван покровителем охотников, а не волков. И именно в этом качестве он помогает главному герою по имени Великий Охотник убить «царя всех волков» [3. С. 180], т.е. прибегает к крайней мере, в которой не было бы необходимости, если бы этот «царь всех волков» подчинялся Уастырджи.

Пчелина приводит еще один довод, который, по ее мнению, характеризует Уастырджи как повелителя волков: «Проклятием пастухов, разгневанных на свое стадо бывает обычная в таких случаях фраза: «Да истребит вас Уастырджи волчьей пастью!»» [20. Л. 145]. В качестве источника этой фразы исследовательница ссылается на известную работу Б. Гатиева, однако приведенная Гатиевым в указанном месте формула проклятия никак не связана с волчьей пастью: «Пастух клянет свое стадо тем же гневом: «Да истребит тебя Георгий!»» [6. С. 44].

В осетиноведческой литературе Уастырджи весьма часто отождествляется со святым Георгием, и мы допускаем, что на Пчелину повлияло следующее наблюдение В.Ф. Миллера: «Существует убеждение, что Тутыр пастух волков, что без его воли они не могут причинить вред человеку и скоту. Таким образом, Тутыр у осетин принял на себя часть роли нашего народного Георгия: что у волка в зубах, то Егорий дал» [14. С. 243]. Возможно, поэтому Пчелина стремится представить Уастырджи точно таким же повелителем волков, каким святой Егорий

(св. Георгий) выступает в верованиях славянских народов, фольклорные тексты которых рисуют яркие картины беспрекословного подчинения святому Егорию и царя волков и всей волчьей стаи [9. С. 138].

Разумеется, нельзя исключать вероятность того, что образ волка в осетинских верованиях мог в какой-то мере соотноситься не только с Тутыром, но и с другими небожителями. К примеру, в осетинском предании «Как Бегизовы сняли шкуру с волка» прослеживается, хотя и косвенно, связь волка с громовником Уацилла: «**Бирагъ Уациллайы зангмае ссыд æмæ уырдыгай авд боны æмæ авд æхсæвы фæниудта, стæй амардис**» / «Волк поднялся на пригорок (у святилища) Уацилла и оттуда выл семь дней и семь ночей, а потом умер» [23. С. 328]. Близкая соотнесенность волка и Уацилла отмечена В. И. Абаевым на другом фольклорном примере: «В одной любопытной песне, записанной в Южной Осетии, волк рисуется как существо светлого мира и гроза темных сил и в этом отношении приравнивается к самому Wacilla, громовому божеству» [1. С. 329]. И все же факт остается фактом: функциями полновластного повелителя волков в осетинском религиозном пантеоне наделяется только Тутыр [6. С. 33-39].

Пчелина уделяет большое внимание изучению сохранившихся у осетин форм религиозного почитания Тутыра. «В честь Тутыра, – пишет она, – святилищ в Осетии почти не имеется. Мне лично известно только одно в Юго-Осетии: в верховьях Большой Лиахвы, вблизи сел. Сба имеется куст барбариса, посвященный Тутыру» [20. Л. 147]. Об этом югоосетинском святилище в своей монографии 1925 г. сообщает Г.Ф. Чурсин: «У въезда в сел. Сба имеется куст барбариса, посвященный богу волков Тутыру» [30. С. 52]. Вывод о почти полном отсутствии в Осетии святилищ Тутыра вряд ли соответствует действительности. В.С. Толстой во время поездки по Северной Осетии в 1848 г. видел святилище **Тутыры дзуар** («Тутор-зуар») на поляне между Нижним Садоном и Згидом [22. С. 78]. По свидетельству Дж. Шанаева, святилище Тутыры дзуар было в Наре [31. С. 8]. Из описания А. Скачкова следует, что святилище Тутыра имелось и в Урсдонском ущелье (ответвлении Алагирского ущелья Северной Осетии) [21. С. 795]. А.Дз. Цагаева зафиксировала святилище в честь Тутыра в окрестностях селения Абайтикау Заккинского ущелья [24. С. 261] и между селениями Дзуарикау и Фаллагкау Трусовского ущелья [25. С. 617]. О старинных святилищах Тутыра в Южной Осетии [См.: 26. С. 176, 177, 309, 310; 27. С. 637, 645].

Описание обрядового пиршества (осет. **куывд**) в честь Тутыра в основных чертах совпадает у Пчелиной с тем, что сообщают предшественники. В то же время Пчелина приводит сведения об одном высшей степени интересном застольном обряде, совершавшемся в праздничные дни, посвященные Тутыру. Учитывая большое этнографическое значение этого фрагмента, мы позволим себе привести пространную цитату: «Вторая особенность «дней Тутыра» – это застольный обряд, описание которого в литературе мне не встречалось. Он совершается стариком, возглавляющим стол и играющим роль родового жреца на этом молебнии, при помощи серебряного альчика, хранившегося до недавнего времени в большинстве семей и называющегося **Тутыры хьул** «альчик Тутыра». Альчик

этот от кувда до кувда хранится хозяином дома в особой деревянной коробочке, наподобие пенала, в вате. Альчик имеет вид сделанной из серебра игральной кости, в которой не шесть граней, как обычно, а восемь, на которых расположены круглые черные дырочки от 1 до 6, и две грани пустые. Кроме того, имеется сделанный из дерева кубок Тутыра с семью отдельными углублениями, каждое вместимостью около полулитра. При провозглашении тоста в честь Тутыра на ритуальном пире этого кувда, возглавляющий стол старик бросает на фынг альчик. Сколько точек выпадет, столько углублений в кубке Тутыра наполняются пивом и подносятся тому, кто этот тост должен выпить. Если выпадает пустая грань, то кубка не подносят, а бросают вновь альчик для того из сидящих на пире, кто по нисходящей линии старшинства должен пить следующий тост. Выпадение пустых граней считается немилостью Тутыра и плохим предзнаменованием в отношении скота. В дни Тутыра, в которые «сам Тутыр играет в альчики на небесах», чтобы определить удачливость в разведении скота того или другого мужчина в хозяйстве в альчики гадали на альчиках все мужчины дома как взрослые, так и юноши и мальчики, стараясь предугадать приплод скота в текущем году» [20. Л. 149-150].

Пчелина описывает весьма интересный застольный обряд, главным атрибутом которого был так называемый «альчик Тутыра». Существуют разные описания этого предмета. А.И. Робакидзе и Г.Г. Гегечкори, видевшие **Тутыры хьул** «альчик Тутыра» воочию во время полевых исследований в Северной Осетии в 1966-1970-х гг., пишут, что этот талисман «представлял собой серебрянный предмет формы прямоугольной призмы, по бокам которой были проведены линии черного цвета от одной до трех» [19. С. 124]. Согласно Л.А. Чибирову, альчик Тутыра это изготовленный в дни Тутырта серебрянный амулет в виде трехгранной пирамиды [28. С. 400; 17. С. 489]. По описанию Дзабиева, в Чеселтском ущелье Южной Осетии **Тутыры хьул** это собственно игровой альчик (т.е. надпяточная баранья кость), но не простой, а основной, так называемый биток. Его обрабатывали с особой тщательностью, поэтому он был красивее остальных. В Дзымырском ущелье Южной Осетии, как отмечает тот же автор, биток вырезали из дерева и наносили на его грани обозначения чисел [8. С. 198-199].

Об аналогичном использовании альчика Тутыра во время праздника сообщает известный югоосетинский собиратель фольклора Дудар Бегизов в своей записи, относящейся к 1939 г.: «Альчик Тутыра – его подбрасывают во время праздника в честь Тутыра. У него 6 граней: одна пустая, на 2-й – одна точка, на 3-й – две точки, на 4-й – три точки, на 5-й – четыре точки и на 6-й – шесть точек. При подбрасывании кому сколько точек покажет альчик, тот столько бокалов и выпивает. Кому выпадает пустая сторона, тот ничего не выпивает» [13. С. 297]. В Дзымырском ущелье Южной Осетии альчик Тутыра изготавливали из дерева и наносили на его грани обозначения чисел. Тот, у кого при подбрасывании альчика выпадало больше, становился победителем, и ему подносили чашу с брагой [8. С. 199]. А.И. Робакидзе и Г.Г. Гегечкори видели альчик Тутыра в башне-святилище селения Ходз Южной Осетии: он был завернут в шерсть

и хранился в специально сделанном для него ящике. По словам информатора, альчик выносили во время праздника в честь Тутыра, справлявшегося всеми семьями патронимии, которой принадлежала башня [19. С. 124]. Как именно альчик использовался во время пиршества, не уточняется, однако, учитывая имевшиеся на его гранях числовые обозначения, можно допустить, что это происходило одним из описанных выше способов.

«Кубок Тутыра с семью отдельными углублениями», о котором пишет Пчелина, это чаша (**куыси**) из нескольких отделений, изготавливавшаяся из цельного куска дерева. В нем делалось рядом несколько углублений, так что чаша внешне напоминала поднос, уставленный деревянными бокалами. Существовали чаши с тремя (**æртæхатæнон**), пятью (**фондзхатæнон**) и семью (**авдхатæнон**) отделениями [7. С. 181; см. также: 15. С. 709].

Весьма интересен описанный Пчелиной способ гадания при помощи альчика Тутыра (или других альчиков) о том, насколько успешным будет разведение скота. О гадании на альчике в источниках по этнографии осетин мы ничего не находим, если только не считать проводившуюся при помощи альчика жеребьевку в обряде имянаречения [10. С. 197]. Встречающиеся в исследовательской литературе утверждения о том, что подобного рода мантика все же имела место в традиционной культуре осетин, к сожалению, не сопровождаются ссылками на четкие этнографические факты [4. С. 9], поэтому приводимые Пчелиной подробные сведения приобретают особое значение.

Пчелина справедливо отмечает амбивалентный характер Тутыра: «В образе Тутыра, по-видимому, впоследствии произошло слияние двух взаимно антагонистических представлений доброго и злого начала: волка тотемного порядка и волка губителя стад, разорителя хозяйств, от которого оберегом в средние века служили бронзовые фигурки волка, находимые в горной Осетии в могильниках аланской эпохи» [20. Л. 151]. Но далее, надеясь привести фольклорный пример волка, воплощающего губительное начало, допускает не вполне корректную контаминацию сведений из разных источников: «В фольклоре осетин хорошо известен волк-великан. Он носит название **Бирагъ-хуызисæг** (**бирагъ** «волк», **хуыз** «образ», **исæг** «берущий, принимающий», перевод: «Принимающий образ волка») или просто **Хуызисæг**, то есть волк-оборотень, он же **уодесæг** «извлекатель души», т.е. смерть» [20. Л. 151]. В опубликованном А. Шифнером тексте посвящения коня и в самом деле фигурирует **хуызисæг** «оборотень», который препятствует душе покойного при переходе моста в Стране мертвых, однако нет никаких указаний на то, что **хуызисæг** выступает в образе волка или в каком-либо ином териоморфном облике [16. С. 36, 40]. В.Ф. Миллер, на которого ссылается Пчелина, действительно сообщает о существовавшем у осетин-дигорцев представлении, что к умирающему человеку, т.е. еще в этом мире, приходит **уодесæг** «извлекатель души» в образе волка. Но в тексте ничего не говорится ни об огромных размерах этого волка, ни о том, что его считали оборотнем и называли **хуызисæг** (диг. **хузесæг**): «В час смерти является в образе волка

ӕоджесӕг (диг.) – извлекатель души, и, завидя его, больной страшно пугается и указывает на потолок или на темный угол» [14. С. 295].

Подведем итог. Рукописные материалы Е.Г. Пчелиной существенно дополняют наши знания о повелителе волков в осетинских религиозных представлениях. Исследовательнице удалось показать его амбивалентный характер и как тотема-покровителя, и как разрушителя хозяйств.

Пчелина смогла выявить важные элементы почитания Тутыра, не находящие соответствий в культах других представителей осетинского пантеона: застольный обряд с использованием т.н. «альчика Тутыра» и необычного «кубка Тутыра», состоящего из семи отделений. Сведения о гадании, совершаемом мужчинами-скотоводами при помощи альчика Тутыра, уникальны и расширяют наши знания о традиционных видах мантики у осетин.

Некоторые выводы Пчелиной (о Уастырджии как повелителе волков, почти полном отсутствии святилищ Тутыра в Осетии и др.) не имеют достаточных оснований, тем не менее они не снижают ценности проведенного Пчелиной исследования и собранного ею этнографического материала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абаев В.И.** Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении нартов и римлян // Памяти академика Н.Я. Марра (1864-1934). Сб. ст. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938.
2. **Баев г.** Сказание об Одиноком (Юнаджи кадаг). Очерк из жизни осетин // Северный Кавказ. 1895. № 14. 16 февраля.
3. **Берзенов Н.Г.** Осетинская Сафо. (Картины и нравы из моих воспоминаний) // Журна. Закавказский альманах. Тифлис: Тип. канцелярии Наместника Кавказского, 1855.
4. **Вольная Г.Н., Найфонова Ф.Т.** Образ барана в прикладном искусстве кобанской культуры и традиционной культуре населения Центрального Кавказа // Известия СОИГСИ. 2016. № 21 (60).
5. **Гарданов М.К.** Произведения. Владикавказ: Ир, 2007. (На осет. яз).
6. **Гатиев Б.** Суеверия и предрассудки осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Главн. управления Наместника Кавказского, 1876. Вып. IX. Отд. III.
7. **Джикаев Ш.Ф.** Древний быт и мировоззрение осетинского народа. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. (На осет. яз.).
8. **Дзабиев З.Т.** Чеселтское ущелье. Цхинвал: Дом печати, 2016. (На осет. яз.).
9. **Иванов П.В.** Жизнь и поверия крестьян Купянского уезда Харьковской губернии. Харьков: Печатное дело, 1907. (Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 17).
10. **Калоев Б.А.** Осетины. (Историко-этнографическое исследование). М.: Наука. Главная ред. вост. лит., 1967.
11. **Каргиев Б.М.** Осетинские обряды и обычаи. Владикавказ, 1991. (На осет. яз.).

12. [Коцоев А.] Тутр. (Рассказ из осетинской жизни) // Кавказ. 1901. № 236. 7 сентября.
13. Легенды о царциатах. Эпос осетинского народа / Сост. предисл, примеч. Ф.М. Таказова. Владикавказ, 2007. (На осет. яз.).
14. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М.: Типография А. Иванова (б. Миллера), 1882. Ч. 2.
15. Миллер В.Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. Т. 2.
16. Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым / изд. А. Шифнер. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1868. [Приложение к 14-му тому Записок Императорской Академии наук. № 4].
17. Осетинская этнографическая энциклопедия / Сост. Л.А. Чибиров. Владикавказ: Проект-Пресс, 2012.
18. Пчелина Е.Г. Ёртæгъахыг – осетинский мифологический конь (бронзовые фигурки VI-VII вв. н. э.) // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986.
19. Робакидзе А.И., Гегечкори Г.Г. Форма жилища и структура поселения горной Осетии. Тбилиси: Мецниереба, 1975. (Кавказский этнографический сборник V, 1).
20. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 1017. Оп. 1. Д. 772. 250 л.
21. Скачков А. Опыт статистического исследования горного уголка. (Экономический очерк) // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: в 3 т. 2-е изд., доп. и перераб. Владикавказ: Проект-Пресс, 2017. Т. 3.
22. Толстой В.С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ: РИПП им. В.А. Гассиева, 1997.
23. Фольклор Южной Осетии. Цхинвал, 1936. (На осет. яз.).
24. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1975. Ч. 2.
25. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Владикавказ: Ир, 2010.
26. Цховребова З.Д., Дзиццойты Ю.А. Топонимия Южной Осетии. М.: Наука, 2013. Т. 1.
27. Цховребова З.Д., Дзиццойты Ю.А. Топонимия Южной Осетии. М.: Наука, 2015. Т. 2.
28. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2008.
29. Чурсин Г.Ф. Масленица у кавказских народов // Кавказ. 1903. № 42. 14 февраля.
30. Чурсин Г.Ф. Осетины: этнографический очерк. Тифлис, 1925.
31. Шанаев Дж. Присяга по обычному праву осетин // ССКГ. Тифлис: Издание Кавказского Горского Управления, 1873. Вып. 7. Отд. 1.

A.V. DARCHIEV

Candidate of historical sciences, senior researcher,
V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian
and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center
of RAS, Vladikavkaz, Russia

E.G. PCHELINA ON THE OSSETIAN CULT OF THE LORD OF THE WOLVES

An important part of Ossetian religious and mythological beliefs is the veneration of the patron saint of wolves, named Tutyr. A comprehensive study of this god is necessary for a full reconstruction of the archaic layers of traditional Ossetian culture, and therefore represents a relevant area of research for ethnographers. This article examines unpublished manuscripts by the eminent Caucasus scholar E.G. Pchelina (1895-1972), containing information about the cult of Tutyr among the Ossetians. The purpose of this study is to establish the reliability of this information and to determine the new contributions it makes to our knowledge of the subject matter. A comparative method was used in this study: by comparing sources from the preceding period, it was possible to identify both the unchanged archaic elements of the ritual and the transformations it has undergone over time. The following has been established: the researcher's thesis that Uastyrdzhi, the Ossetian patron of men, warriors, and travelers, was also considered the patron of wolves, merging with Tutyr into a single entity, lacks sufficient foundation. Pchelina's conclusion about the almost complete absence of Tutyr shrines in Ossetia cannot be accepted either. At the same time, the researcher was able to demonstrate the ambivalent nature of Tutyr, both as a patron totem and as a destroyer of farms. Pchelina was able to identify important elements of Tutyr's veneration that have no parallel in the cults of other representatives of the Ossetian pantheon: a table ritual using the so-called «alchik of Tutyr» and an unusual «cup of Tutyr,» consisting of seven compartments. Information about fortune-telling performed by male herders using the alchik of Tutyr is unique and expands our knowledge of traditional forms of mantic divination among the Ossetians. Based on these results, it was concluded that E.G. Pchelina's handwritten materials significantly supplement our knowledge of the wolf lord Tutyr and contribute to a more in-depth study of Ossetian religious beliefs.

Key words: Ossetian religious pantheon, lord of wolves, Tutyr, alchik of Tutyr, cup of Tutyr, Uastyrdzhi, E.G. Pchelina.